

О ПОКУШЕНИИ НА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО МАКАРИЯ (НЕВСКОГО) В 1912 ГОДУ*

Аннотация: Статья посвящена малоизвестному эпизоду жизни митрополита Макария (Невского). В 1912 г. архиепископ Томский Макарий был назначен на московскую митрополичью кафедру. Новый митрополит получил сведения о покушении на него во время проезда из Томска в Петербург. Автором предпринимается попытка прояснить вопрос: была ли опасность действительной или имела место мистификация.

Ключевые слова: Макарий, митрополит, покушение, Томск, Москва, Петербург.

В конце XIX – начале XX в. в церковно-общественной жизни Российской империи наблюдалось оживление богословской и религиозно-философской мысли. В практическом приложении это проявлялось участием широких слоев общества в обсуждении как догматических и философских проблем, так и насущных вопросов реформирования различных институтов церковной жизни. Среди последних наибольшее значение имело решение проблемы церковно-государственных отношений. К концу XIX в. для большинства русского образованного духовенства и верующей интеллигенции было очевидно несовершенство синодальной системы: всецелой зависимости церкви от государства, фактически подчиненной светскому государственному чиновнику – обер-прокурору. Стремление к освобождению церкви от обер-прокурорского контроля, переходившего порой в произвол, концентрировалось на попытках приблизить решение двух вопросов: созыва поместного собора и восстановления патриаршества. Сторонниками этих идей являлись отличавшиеся своим авторитетом, ученостью или влиятельностью при дворе иерархи: митрополиты Антоний (Вадковский), Владимир (Богоявленский), архиепископы Арсений (Стадницкий), Антоний (Храповицкий), Сергей (Страгородский) и др.

Кончина 3 ноября 1912 г. Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковского) вызвала необходимость замещения овдовевшей столичной кафедры. При этом готовилась сложная комбинация по перемещению иерархов, затрагивавшая ряд епархий и архиереев. В Петербург решено было назначить Московского митрополита Владимира (Богоявленского). Таким образом, вставал вопрос о замещении становившейся вакантной Московской кафедры.

В высших придворных и церковных кругах Российской империи началась «митрополичья горячка» [1]. На Николая II пытались оказывать воздействие в таком важном не только церковном, но и политическом вопросе влиятельные придворные группы, преследовавшие разнообразные цели. По этой причине принятие решения о новом московском архипастыре несколько затягивалось. Высказывались самые разные предположения о том, кто же будет назначен на такую важную кафедру. По различным слухам и толкам, в числе наиболее вероятных кандидатов фигурировали: архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), как креатура обер-прокурора В.К. Саблера; архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), которого поддерживали правые организации; архиепископ Кишиневский Серафим (Чичагов), за которым стоял бывший обер-прокурор, а ныне член Государственного совета князь А.А. Ширинс-

* © Михайлов М.Э.

кий-Шихматов; архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), поддерживаемый великой княгиней Елизаветой Федоровной; экзарх Грузии архиепископ Иннокентий (Беляев), кандидат императрицы Марии Федоровны; епископ Дмитровский Трифон (князь Туркестанов), чью кандидатуру также поддерживала Елизавета Федоровна, архиепископ Варшавский Николай (Зиоров), как «кандидат высших сфер и правых членов Государственного совета» и человек, которого Николай II знал лично, и другие [2]. Большинство названных кандидатов были относительно молодыми и энергичными архиереями и притом сторонниками давно назревших церковных преобразований. Поэтому в обществе оживились надежды на скорейший созыв собора и восстановление патриаршества. Постепенно появилась уверенность в назначении на Московскую кафедру архиепископа Антония (Храповицкого), во что успел поверить и он сам. Более того, обер-прокурором Святейшего Синода В.К. Саблером уже был заготовлен рескрипт о назначении его в Москву, требовавший лишь подписи императора, а сам архиепископ Антоний уже получил около тридцати поздравительных телеграмм [3] (по другим данным телеграмм было 143 [4]).

Однако 25 ноября вышел императорский рескрипт о назначении митрополитом Московским Томского архиепископа Макария (Невского). Макарий был известным христианским просветителем народов Алтая и Сибири. К моменту этого назначения ему исполнилось 77 лет, высшего образования он не имел (окончил семинарию); кроме того, он не принадлежал ни к одной из церковно-политических и придворных «партий». Эти обстоятельства, в совокупности с множеством слухов о причинах такой неожиданной «игры на стариках» [5], вызвало недоумение и, по большей части, неудовольствие церковных и политических деятелей. Например, архиепископ Антоний (Храповицкий), узнав о назначении в Москву Макария, со свойственной ему эмоциональностью воскликнул: «Ну, теперь пропало все: и патриаршество, и собор!» [6]. А в старообрядческих кругах, напротив, появилось предположение о восстановлении патриаршества в день трехсотлетия избрания на царство Михаила Федоровича Романова – 21 февраля 1913 г., причем назначение в Москву Макария рассматривалось как промежуточный этап его пути к патриаршеству [7].

Так или иначе, но царская воля была объявлена, и новоназначенный митрополит собрался отправиться в путь из Томска в Петербург, а затем и в Москву, к месту нового служения.

К этому моменту и относится интересующий нас эпизод, подоплека и детали которого оставались скрытыми не только от современников митрополита Макария, но и от позднейших его биографов. Неизвестность ряда важных подробностей, притом, не была случайной, о причинах чего будет своевременно упомянуто. Документы, проливающие свет на рассматриваемые события, хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде Департамента полиции (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. (Особый отдел, 1912 г.). Д. 213).

Некоторой архаичности полицейского делопроизводства начала XX в. мы обязаны наличием в сугубо деловой переписке ярких психологических характеристик митрополита Макария и элементов анализа не только внешних обстоятельств рассматриваемого дела, но и внутренних переживаний архиерея. Однако в первую очередь столь пристальное и бережное внимание в данном случае было вызвано степенью угрозы и статусом охраняемого лица.

12 и 13 декабря 1912 г. Департаментом полиции были получены зашифрованные телеграммы из Сибири.

В первой, за подписью ротмистра Роговского, отправленной из Томска и полученной Департаментом 12 декабря, сообщалось: «Вновь назначенный Московский

митрополит Макарий, не указав источника, сообщил секретно полицмейстеру [о] готовящемся [на] его жизнь покушении. Агентурные указания, подтверждающие эти сведения, [в] район не поступали. [В] Томске приняты все меры охраны. 12-го номером пятым через Челябинск северными путями (то есть не через Уфу и Самару, а через Екатеринбург и Пермь. – М.М.) владыка выезжает [в] Петербург; железнодорожной полицией организована [на] линии охрана, везде [о] принятии мер охраны телеграфно сообщено [в] Новониколаевск (название Новосибирска до 1925 г. – М.М.), Омск, Пермский район, Петербург [в] охранное, полковнику Мазурину» [8]. При этом Роговский сообщал, что, «совмещая надобность [по] делам розыска [и] поездку [в] Новониколаевск, Петропавловск, Курган», будет сопровождать митрополита «лично [с] двумя филерами» [9].

В другой телеграмме из Томска, полученной в Петербурге 13 декабря, управляющий Томской губернией вице-губернатор А.Г. Загряжский подробнее описывает причины тревоги митрополита Макария, который «накануне отъезда лично получил сведения о готовящемся на него покушении» [10]. Макарий, по словам Загряжского, «твердо верил» этому сообщению и просил его «принять меры охраны» [11].

Для того чтобы избежать возможного покушения, митрополит Макарий решил не появляться в заранее объявленном месте проводов – вокзале Томск-первый, «где ожидали народ, власти, свита». Вместо этого он в сопровождении Загряжского и полицмейстера поехал «на Томск-второй, где сел в вагон начальника дороги и проехал не останавливаясь Томск-первый». Затем с митрополичьим вагоном и вагоном его свиты был произведен «запутывающий» маневр: «В тайге (речь идет о станции под названием «Тайга». – М.М.), прицепив вагон со свитой, приехавшей из Томска-первого, [Макарий] проехал на станцию Болотную, где вагон его прицепят [к] поезду пятому» [12].

Далее Загряжский передает Департаменту полиции просьбу митрополита Макария о сохранении в секрете произошедшего (чем и объясняется недостаточная известность этого факта его биографии): «Действительная причина изменения маршрута по возможности скрыта от народа, властей [и] свиты епископов. Владыка желает, чтобы о ней не знал никто, даже Департамент, Петербург [и] Москва. Всякие расспросы о странности его выезда из Томска в высшей степени его огорчат. По соглашению с жандармами мною приняты меры охраны всего пути [до] Петербурга. Прося охрану, владыка говорил: «Я старик, не моя участь заботит меня, а тех, которые пострадают, если со мной что случится, я должен охранять себя только для того, чтобы охранить их» [13].

В приведенном отрывке следует обратить внимание на дословную передачу Загряжским слов Макария, характеризующих его отношение к возможности пасть жертвой покушения, а также на причины принятия столь тщательных и секретных мер безопасности. Конечно, эти благородно звучащие слова и просьбы о сохранении тайны при поверхностном рассмотрении можно было бы объяснить стремлением Макария сохранить лицо в случае необоснованности его опасений и не выглядеть «дующим на воду». Следует, однако, заметить, что мотив страха перед внезапной смертью со связываемым с этим аргументом о возможном в таком случае вреде для людей и институтов, зависящих от митрополита, характерен и для его эпистолярного наследия. Так, уже будучи уволенным с Московской кафедры и проживая в Николо-Угрешском монастыре, заболевший митрополит Макарий высказывал сходные опасения в мае 1918 г. в письме к протоиерею И.И. Восторгову [14].

Желание сохранить рассматриваемый инцидент в тайне можно объяснить стремлением избежать негативного политического эффекта, ожидаемого в случае проса-

чивания этой информации в газеты, в особенности левые. В пользу справедливости подобного опасения свидетельствует дальнейший ход истории: левая пресса пользовалась оплошностями неисключенного в политике митрополита и вела кампанию по его дискредитации, обвиняя его в связях с Распутиным, реакционности, необразованности, неспособности по причине старости к управлению епархией и т.п.

Так или иначе, директор Департамента полиции С.П. Белецкий полученные из Томска телеграммы 13 декабря представил вышестоящему начальству [15]. Личность начальника невозможно установить с точностью: в сопроводительной записке Белецкий не указывает ни его имени, ни должности, обращаясь к нему «ваше высокопревосходительство» [16]. По-видимому, им являлся министр внутренних дел (в то время – А.А. Макаров; 16 декабря 1912 г. во главе Министерства его сменил Н.А. Маклаков), поскольку отметки на других документах этого дела свидетельствуют, что о его ходе докладывали именно министру [17].

Позднее было получено и дополнение к этим сообщениям, содержащее некоторые подробности предполагаемого покушения. Устранить митрополита предполагалось, согласно полученным им «вполне достоверным» сведениям, «посредством метания взрывчатых снарядов на вокзале Томск 1-ый или при проезде около Технологического института, где изготовлены снаряды» [18]. В той же телеграмме, однако, сообщалось, что «тщательным агентурным обследованием пока не добыто решительно никаких сему указаний» [19].

В такой сложной и деликатной ситуации от чинов полиции требовалось, с одной стороны, обеспечить охрану митрополита, а с другой – сохранить полную секретность.

Дальность расстояния добавляла затруднений, поскольку требовала четкой координации действий полиции разных регионов. Так, томский полицейский чин, ротмистр Кирпотенко, телеграфировал директору Департамента полиции Белецкому, сообщая время выезда из Томска и маршрут движения поезда митрополита Макария. При этом Кирпотенко просил Белецкого «принять меры обеспечения пути следования» в районе ответственности последнего и добавлял, что до Челябинска Макария будут сопровождать филеры, а о его маршруте сообщено также и в Пермь [20].

Вице-директор Департамента полиции С.Е. Виссарионов уведомлял начальника Петербургского охранного отделения, что «со стороны Департамента не встречается препятствий к принятию мер охраны» прибывающего в Петербург митрополита Макария [21].

По мере приближения митрополичьего поезда к столице полицейскими чинами с мест отправлялись телеграммы, извещающие о благополучном проезде его по вверенной им территории [22].

После того, как митрополит Макарий без эксцессов прибыл в Петербург, еще некоторое время продолжала осуществляться его усиленная охрана, в том числе и при перемещении его между двумя столицами. Так, 5 января 1913 г. от имени начальника московского охранного отделения была послана в особый отдел Департамента полиции телеграмма следующего содержания: «22 декабря минувшего года начальник С.-Петербургского охранного отделения телеграммой за № 1489 уведомил меня, что из С.-Петербурга выехал в Москву митрополит Макарий под охраною двух агентов и по распоряжению Департамента полиции просил принять меры охраны его высокопреосвященства.

По получении означенной телеграммы мною был сделан надлежащий наряд для указанной цели, из числа коего три человека охраняют его высокопреосвященство и до настоящего времени с наружной и внутренней сторон покоев, а при выездах его из

Москвы по пути следования и на места выезда командироваться два лица». Здесь же содержался запрос о том, надлежит ли усиленно охранять митрополита в дальнейшем [23]. Из весьма неразборчивой резолюции все же можно заключить, что решение было принято в пользу продолжения охраны. В тот же день особым отделом была получена телеграмма из Москвы, извещающая о выезде в Петербург скорым поездом митрополита Макария [24].

Разрешение на прекращение наблюдения за митрополитом Макарием было дано начальником особого отдела полковником Ереминым 20 января 1913 г. Прекращение охраны разрешалось в том случае, если у Московского охранного отделения «не имеется никаких указаний на возможность предполагаемого покушения на жизнь» митрополита [25].

В предшествующих телеграммах неоднократно коротко сообщалось о тщательности проведенного томской полицией и жандармами расследования, не подтвердившего информацию о покушении на Макария. Более обстоятельно результаты этого расследования были сообщены начальником Томского губернского жандармского управления директору Департамента полиции Белецкому в совершенно секретной записке от 27 декабря 1912 г. Содержание этого документа было доложено главе Министерства внутренних дел. Обращает на себя внимание предположение относительно источника сведений о покушении и цели этой дезинформации: «Мною на месте произведено тщательное негласное расследование, коим окончательно и вполне определено установлено, что ни со стороны революционных организаций, ни вообще со стороны кого бы то ни было, выступлений по сему делу быть не могло и не предполагалось».

Источник, сообщивший угрожающие сведения митрополиту, весьма его встревожившие, находится, надо полагать, в непосредственной близости к его высокопреосвященству и вероятнее всего, является одним из лиц, сопровождающих владыку.

Сообщение угрожающих сведений, как видно, имело злостную цель испортить митрополиту последние дни пребывания в Томске, а равно не допустить местное духовенство по пути следования владыки принести те или иные жалобы на действия местной консистории.

Для ближайшей охраны его высокопреосвященства из Томска до Челябинска сопровождали: заведующий наблюдением Павел СЕРГЕЕВ и филер района Владимир ШАРГАНОВ» [26].

В журнале «Томские епархиальные ведомости» публиковались материалы, подробно описывающие торжественные прощальные мероприятия, происходившие в течение последних дней перед отъездом митрополита Макария. Никаких бросающихся в глаза изменений в порядке богослужений, встреч с различными депутациями, обедов и посещений учебных заведений до дня отъезда не обнаруживалось. Разве что «за множеством хлопот и недостатком времени владыка отклонил предполагавшиеся общественные чествования его разными учреждениями г. Томска и решил ограничиться только посещениями близких ему духовных учреждений, где и принимал от корпораций приветствия» [27]. Несмотря на такое решение, Макарий все же сделал некоторые исключения и принимал депутации светских учебных заведений. Например, 10 декабря ему представлялась депутация профессоров Томского университета [28]. О принятии же делегации или посещении другого местного светского высшего учебного заведения – Томского технологического института – в журнале ничего не сказано. Эти две особенности предотъездных церемоний при желании можно трактовать как свидетельства опасений Макария, однако с другой стороны, они не выглядят выходящими за рамки простых совпадений.

Отсутствие более ясных указаний на факты изменения хода прощальных мероприятий, связанные с опасениями митрополита за свою жизнь, затрудняет ответ на вопрос: знал ли Макарий о готовящемся на него покушении за несколько дней до даты отъезда (во время торжественных церемоний) или же выяснил это только в последний день. Некоторые косвенные обстоятельства делают более вероятным второе предположение. Во-первых, и полицейские документы, и «Томские епархиальные ведомости» согласно свидетельствуют, что церемониал проводов и маршрут был изменен «в последний момент» [29] и «сверх ожиданий и сделанных распоряжений» [30] (хотя Макарий и мог, зная за несколько дней о планируемом покушении, для сохранения большей секретности потребовать изменения маршрута именно в последний момент). Во-вторых, митрополит Макарий не вносил заметных изменений в ход и количество церемоний, предшествующих дате отъезда (помимо двух случаев, упомянутых выше), и тем более не отказывался от них вовсе.

В день отъезда, 12 декабря, церемонии проходили обычным порядком до момента выезда митрополита Макария к вокзалу для посадки на поезд. Маршрут его экипажа был неожиданно изменен. Архиерея ожидали на станции Томск-первый, где для него был сформирован поезд. Там для торжественных проводов ожидали митрополита «представители сословий и учреждений» [31]. Подробность журнальной публикации позволяет сделать предположение относительно места и момента наибольшей потенциальной угрозы жизни митрополита, согласись он ехать прежним маршрутом к станции Томск-первый: «Путь к этой станции был усеян народом. Учащиеся учебных заведений были выстроены по пути около своих училищ» [32]. Сопоставление ранее планируемого маршрута с указаниями полицейской переписки о месте предполагаемого покушения («на вокзале Томск 1-ый или при проезде около Технологического института» [33]) дает возможность предпринять попытку реконструкции тактической схемы бомбометания (разумеется, в порядке предположения). Так, взрывчатый снаряд мог быть брошен одним из студентов Технологического института в тот момент, когда экипаж митрополита проезжал бы мимо выстроенных перед этим институтом студентов.

Но Макарий не проезжал этим путем: «перед отходом поезда получилось сообщение, что он с этим поездом не поедет, а провожающих благословляет ехать, обещая догнать их» [34]. Для публики журнал дал разъяснения относительно изменения маршрута, не вдаваясь, впрочем, в подробности и не указывая определенной причины этого: «Оказалось, что по каким-то агентурным сведениям полиция направила его высокопреосвященство на ст. Томск II, где для него был сформирован служебный поезд. Это внезапное изменение маршрута заставило подозревать, что некоторые ненавидящие владыку элементы общества намеренно постарались испортить его проводы» [35].

Служебный поезд, в котором ехал митрополит Макарий, прошел через станцию Томск-первый спустя час после отправления первого поезда, но большая часть народа дождалась и этого состава. Однако он проследовал без остановки мимо станции, а архиерей так и не показался народу. Как сообщает журнал, Макарий «от сильного утомления почувствовал слабость и при проезде ст. Томск I почивал» [36].

Журнальное повествование о дальнейших маневрах митрополичьего поезда в целом совпадает со сведениями из полицейской переписки. Однако упомянутая переписка не содержит информации о торжественных встречах поезда митрополита Макария в различных пунктах по пути его следования. Между тем повествование об этом «Томских епархиальных ведомостей» недвусмысленно указывает на состояние, в котором находился встревоженный митрополит. Так, 13 декабря в Новониколаевске

Макарий лишь на короткое время вышел из вагона для благословения народа и сразу после этого вернулся обратно [37]. В тот же день его поезд прибыл в город Каинск (название города Куйбышев Новосибирской области до 1935 г.), где на станции собралось много духовенства и народа. «Но владыка по болезни не мог выходить из вагона и принимал всех желающих принять благословение в вагоне... Хотя владыка митрополит не выходил из вагона, но там, освещенный электрическим светом вагона, он ясно был виден всем и благословлял народ из вагона» [38]. Таким же образом, не покидая вагона, митрополит Макарий благословлял, стоя у окна, и жителей Омска [39].

Несмотря на то, что митрополит Макарий скрыл от полиции источник сведений о покушении на него, у нас все же появилась возможность выяснить, с какой стороны такая угроза была наиболее вероятна. Полицейские и жандармы, вынужденные провести тщательное расследование и выявить потенциальные источники угрозы жизни митрополита, называют в качестве таковых революционные организации, указывая при этом, что с их стороны выступлений против Макария не предполагалось. Необходимо заметить, что подозрения в подготовке покушения на митрополита, павшие в первую очередь на революционные организации, вполне понятны. Епископ Макарий, возглавлявший Томскую кафедру во время первой русской революции, подвергался обвинениям в благословении толпы погромщиков в 1905 г. [40]. Разумеется, этот факт, в совокупности с общей консервативной репутацией Макария, был серьезным раздражителем для революционных элементов.

Кроме того, не выглядит случайным и упоминание местного Технологического института как места изготовления бомбы для покушения. В 1907 г. Томский архиепископ Макарий обратился к председателю Совета министров П.А. Столыпину с предложением ограничить или вовсе прекратить прием иудеев в этот институт. Об этом Столыпин доложил императору, а тот распорядился рассмотреть этот вопрос на заседании Совета министров. Вскоре предложенное Макарием ограничение для студентов-иудеев было введено [41]. Разумеется, такой поступок архиепископа Макария не вызвал симпатий у социалистически настроенного студенчества.

Безотносительно к тому, была ли угроза покушения ложной или нет, можно констатировать, что источник сообщения о покушении был прекрасно информирован не только о деятельности Макария на Томской кафедре, но и о тонкостях внутренних конфликтов в городе. Это косвенно подтверждает предположение полиции о том, что источник этот находился в ближайшем окружении митрополита Макария.

Однако при рассмотрении событийной стороны данного эпизода возникает впечатление определенной странности в поведении митрополита Макария, отказавшегося назвать источник сообщения о покушении. Указания на эту особенность рассмотренного дела красной нитью проходят через ряд полицейских документов. Сообщив имя человека, от которого Макарий получил сведения о готовящемся на него покушении, он, безусловно, облегчил бы усилия полиции и жандармов по своей охране. Такая непонятная скрытность может навести на мысль о том, что митрополит сам явился источником дезинформации, преследуя при этом некую цель, например, привлечь дополнительное внимание властей к своей персоне. Это ему действительно удалось: дело курировали главы Министерства внутренних дел, которые, надо думать, докладывали о ходе расследования императору. Однако версии о продуманной мистификации противоречит нелогичность поведения Макария. Он не создал убедительно звучащую «легенду» с указанием правдоподобных источников информации о покушении и сил, заинтересованных в его устранении. Вместо этого он, проявив странную скрытность, вызвал к себе лишь недоверие представителей власти. Разумеется, полицейские чины не могли в своих документах открыто выразить недоверие сообщению об угрозе жиз-

ни митрополита, назначенного царской волей на Московскую кафедру. Однако неоднократно отмечаемое и подчеркиваемое в полицейской переписке нежелание Макария раскрыть личность своего информатора можно рассматривать именно в качестве проявления скрытого недоверия к сообщению этого иерарха. Да и у современного исследователя при рассмотрении этих документов может возникнуть представление о всего боящемся непопулярном начальнике, верящем в заговор против своей персоны. Поэтому единственным результатом поднятой Макарием «ложной тревоги» становится репутационный ущерб, понесенный митрополитом именно в отношениях с представителями власти.

Не подтверждает версию рассчитанной мистификации и политическая неопытность митрополита Макария. Так, одним из первых поступков нового митрополита, только что прибывшего в Москву, был выпуск воззвания, обращенного к московскому духовенству, где содержались небывало резкие обличения в адрес последнего [42]. Такой акт, осуществленный, безусловно, из лучших религиозных побуждений, оказался крупной политической ошибкой. Этим поступком митрополит Макарий восставил против себя большинство элитарного и политически активного московского духовенства. Не прибавило воззвание симпатий к Макарию и его предшественнику на Московской кафедре – митрополиту Санкт-Петербургскому Владимиру (Богоявленскому), который получал много писем от московских священников с жалобами на нового митрополита. Воззвание обсуждалось в левой прессе, а сектанты и старообрядцы использовали его для дискредитации официальной церкви. Сам митрополит Макарий в разговоре с митрополитом Владимиром признал «скороспелость» воззвания [43]. Однако последствия этой ошибки в соединении с другими факторами сказывались на всем протяжении московского служения митрополита: Москва не приняла его [44].

Версия полицейских и жандармских чинов о том, что информация о покушении на митрополита Макария распространилась из его ближайшего окружения для воспрепятствования принесению ему жалоб на действия томской консистории, представляется более правдоподобной и аргументированной. В пользу этого предположения говорит, во-первых, тщательно проведенное на месте расследование, не подтвердившее наличие угрозы Макарию со стороны томских революционеров. Во-вторых, как было замечено ранее, источник сведений о покушении (если, конечно, им не был сам митрополит) был прекрасно осведомлен о томских конфликтах Макария за последние несколько лет. Слабая сторона этой версии заключается в полной ее зависимости от непроверяемой в принципе степени честности томских жандармских и полицейских чинов. Нам остается лишь верить или не верить им на слово, когда они заявляют о тщательно проведенном расследовании, не обнаружившем никакой серьезной угрозы жизни митрополита.

Можно также высказать предположение, что провокационное сообщение о покушении на митрополита Макария имело целью не только испортить проводы и отравить радость важного события его жизни – назначения на Московскую кафедру. Следует напомнить, что митрополиту шел в этот момент 78-й год. Старцу предстоял продолжительный и утомительный переезд из Сибири в столицу, а затем – в Москву. В результате же сообщения об угрозе покушения с приведением его подробностей (бомбометание) это тяжелое для весьма пожилого архиерея путешествие делалось уже само по себе опасным для жизни испытанием. Фактор потрясения с возможными последствиями для здоровья старца-митрополита необходимо учитывать и при рассмотрении прочих версий, кроме, конечно, предположения о спланированной им самим мистификации.

Недостаток информации, относящейся к этому малоизвестному эпизоду жизни митрополита Макария, и связанные с этим важные нерешенные вопросы, не позволяют отдать предпочтение ни одной из рассмотренных версий. Можно надеяться, что дальнейшее изучение материалов столичных и региональных архивов со временем внесет ясность в исследование этого сюжета истории России и русской церковной иерархии.

В заключение необходимо заметить, что интересующий нас эпизод нельзя рассматривать вне контекста той волны террористических убийств высших государственных и общественных деятелей, которая прокатилась по России в конце XIX – начале XX в.: год назад был застрелен упоминавшийся выше корреспондент Макария П.А. Столыпин. В этой связи столь сильные опасения митрополита Макария и тщательно продуманные полицейские меры его охраны не были бессмысленными хотя бы ввиду многочисленности случаев, в которых подобные опасения подтверждались уже *post factum*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Выражение архиепископа Арсения (Стадницкого) (Дневник архиепископа Арсения (Стадницкого) за 1911-1913 гг. // Государственный архив Российской Федерации (в дальнейшем ГА РФ). Ф. 550 (Арсений (Стадницкий), митрополит). Оп. 1. Д. 516. Л. 94).
2. Дневник архиепископа Арсения (Стадницкого) за 1911-1913 гг. // ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 516. Л. 78-79, 82.
3. Там же. Л. 86, 94.
4. Никон (Рклицкий), архиепископ. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. 1863-1936. Кн. 1. Нижний Новгород, 2003. С. 640.
5. Дневник архиепископа Арсения (Стадницкого) за 1911-1913 гг. // ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 516. Л. 94.
6. Там же. Л. 86.
7. Новое патриаршество // Церковь. 1912. № 50. 9 декабря. С. 1193,1195.
8. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 213. Л. 2.
9. Там же.
10. Там же. Л. 4.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же. Л. 4-4 об.
14. Письмо от 17 мая 1918 г. // ГА РФ. Ф. 9452 (Восторгов И.И., протоиерей). Оп. 1. Д. 37. Л. 246.
15. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 213. Л. 1.
16. Там же.
17. Там же. Л. 2, 9, 12, 15.
18. Там же. Л. 7.
19. Там же.
20. Там же. Л. 6.
21. Там же. Л. 8.
22. Там же. Л. 9-11.
23. Там же. Л. 13.
24. Там же. Л. 14.
25. Там же. Л. 16.
26. Там же. Л. 15.
27. Последние дни пребывания и отъезда в место служения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Макария, Митрополита Московского и Коломенского // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 24. 15 декабря. С. 1387.
28. Последние дни пребывания и отъезда в место служения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Макария, Митрополита Московского и Коломенского (Продолжение) // Томские епархиальные ведомости. 1913. № 3. 1 февраля. С. 175-176.
29. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 213. Л. 7.
30. Последние дни пребывания и отъезда в место служения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Макария, Митрополита Московского и Коломенского (Продолжение) // Томские

-
-
- епархиальные ведомости. 1913. № 3. 1 февраля. С. 183.
31. Там же.
 32. Там же.
 33. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 213. Л. 7.
 34. Последние дни пребывания и отъезда в место служения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Макария, Митрополита Московского и Коломенского (Продолжение) // Томские епархиальные ведомости. 1913. № 3. 1 февраля. С.184-185.
 35. Там же. С. 185.
 36. Там же.
 37. Там же. С. 185-186.
 38. Там же. С. 186.
 39. Там же. С. 187.
 40. Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М., 1992. С. 74.
 41. П.А. Столыпин: Переписка. М., 2007. С. 165-166, 204-207.
 42. Макарий (Невский), митрополит. Архипастырское воззвание возлюбленным о Господе нашим соратникам на ниве Господней, пастырям московской паствы и всем служителям церкви // Московские церковные ведомости. 1913. № 10. 9 марта. С. 1-4.
 43. Дневник архиепископа Арсения (Стадницкого) за 1911-1913 гг. // ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 516. Л. 116-116 об.
 44. Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М., 1995. С. 196.

M. Mikhaylov

ON THE ATTEMPT UPON LIFE OF METROPOLITAN OF MOSCOW AND
KOLOMNA MAKARIY (NEVSKIY) IN 1912

Abstract: This article is about little known episode of metropolitan Makariy's life. In the year 1912 archbishop of Tomsk Makariy (Nevskiy) was appointed at the Moscow metropolitan pulpit. New metropolitan received information about an attempt upon his life during his journey from Tomsk to Petersburg. Author tried to clear up the question: was it a true danger or mystification.

Key words: Makariy, metropolitan, attempt, Tomsk, Moscow, Petersburg.